

Марина СОЛОВЬЕВА

Родилась в Горьком. Окончила Горьковский медицинский институт и всю жизнь работает врачом – дерматовенерологом, онкологом, лазерным хирургом.

Автор романа «Усохни, перхоть, или Школа, которой больше нет» (Нижний Новгород: издательство «Книги», 2021), награждена медалью «Федор Достоевский 200 лет».

Живет в Нижнем Новгороде.

ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ

– Ну это уже ни в какие рамки не лезет, – рассуждала я на повышенных тонах, расхаживая по квартире с тряпкой в свой первый день отпуска и извлекая из-под кровати своего четырнадцатилетнего ребенка коробки от пиццы с остатками еды, конфетные фантики, бесконечные разноцветные обертки с надписями «Печенье» и «Чипсы», огромное количество бутылок и банок из-под сладкой газировки.

– Степа, это не еда, а какое-то преступление перед собственным организмом! Ты испортишь себе желудок, фигуру, заработаешь ожирение и диабет! Я с тобой или с собой разговариваю?

– Наверное, больше с собой, – недобро пробубнил про себя мой вчерашний сладкий котенок, превратившийся в последнее время в жуткое вредное создание, которое не хотело учиться, мыться, расчесываться, отрастило буйную гриву кудрявых волос, загораживающую большую половину лица и обвиняло меня во всех своих и мировых проблемах и, самое главное, совсем перестало есть дома, объясняя свое поведение активным переходным возрастом.

Еще вчера Степка спал с игрушками и обнимашки перед сном были нашим обязательным ритуалом, дающим возможность узнать, как прошел его день, что волнует и беспокоит, чему он рад, чего боится и избегает. Степка становился говорливым, когда приходило время спать. Он всячески стремился отодвинуть момент, когда свет должен погаснуть и нужно будет закрыть глаза. Перед сном из ребенка можно было вытащить все что угодно, он становился открытым, беззащитным и доверчивым, посвящая меня в свои самые сокровенные тайны. Мы оба очень любили эти вечерние часы, принадлежащие только нам, двоим, когда некуда спешить и можно спокойно обсудить все события прошедшего дня. Интересно, когда он перестал со мной секретничать? Я совершенно пропустила этот важный момент, когда он однажды не попросил меня с ним вечером посидеть, а фраза «закрой дверь, пожа-

луйста» вошла в привычку. Когда же Степка перестал спать с игрушками? В прошлом году еще спал, выстраивая их вдоль стенки на кровати и укладывая с собой на подушку только самых любимых – то зайца в костюме человека-паука, то куклу Растрепу. Степка очень переживал, когда я уезжала в рабочие командировки, и перебирался спать к отцу на мое место, заставляя его рассказывать бесконечные сказки на ночь, исключительно про маму. Степка доставал из-под подушки мою пижаму, прижимал ее к себе и засыпал только с ней в обнимку.

Из одной своей поездки я привезла ему мягкую тряпичную куклу ручной работы в белой одежде ангела и с крылышками за плечами. У куклы была смешная улыбающаяся мордочка, напоминающая самого Степку, и рыжая шевелюра с торчащими во все стороны волосами. «Ой, какая растрепа!» – прошептал потрясенный ребенок и прижал огненное чудо к себе. Так мы и стали ее называть – Растрепа. Этот рыжий ангелок с хитрой мордашкой стал нашим настоящим спасением. Степка вместе с Растрепой ел, спал, гулял и путешествовал. В мое отсутствие Растрепу заменяла меня. Без Растрепы мы не ездили никуда и никогда. Помню ужас, когда мы торопились и забыли куклу в поезде. Муж бегал по кабинетам администрации железнодорожного вокзала, а Степка кусал губы и изо всех сил держался, чтобы не заплакать. Слезы периодически все равно расплзались по его щекам, но он не пускался в истерику и, не мигая, смотрел в ту точку, где его папа исчез в поисках спасения любимой игрушки. Проводники нашли и вернули Растрепу. Это было счастье, радость и триумф одновременно. Степка так крепко прижимал куклу к себе, что даже дома с трудом расцепил руки. После того случая каждый из нас в любой поездке по сто раз проверял и спрашивал, где Растрепа. Услышав, что тут, на месте, все выдыхали.

Я огляделась. Все игрушки с кровати переместились на самый верх шкафа и с грустью взирали оттуда на активно взрослеющего Степку, как будто понимая, что время их господства, увы, закончилось.

– Степа, а где Растрепа? – обеспокоенно огляделась я. Среди игрушек ее не было, на кровати тоже. Сын в ответ только безразлично пожал плечами.

– Валяется где-то, а зачем она тебе?

– Подарить хотела соседскому ребенку! – на ходу соврала я, пытаюсь вызвать у Степы хоть какую-нибудь эмоцию из прошлой жизни, но он в ответ снова только вяло пожал плечами, демонстрируя полное равнодушие.

Я глубоко вздохнула и достала из-под тумбочки очередную гору мусора из одноразовых тарелок с остатками чизбургера и картошки фри.

– Ты что, не понимаешь, что нужно поддерживать порядок в комнате? Мы пока еще живем вместе, и ты должен...

– Никому и ничего я не должен! – в голосе сынули проскальзывали явные нотки неприязни. – Я же не просил вас меня рожать. Это была ваша затея. Поэтому я вам ничего не должен. Это вы мне должны, вы же мои родители. Почитай Илона Маска, у него по этому поводу четкая позиция, он сам об этом сказал своим детям, что они ему ничего не должны.

– Он детям, но не дети ему! Почувствуй разницу! – я достала из-под стола ворох грязных футболок, носков и старых тетрадей. – Ну за что мне все это?

– А ты не убирайся тут. Это моя комната, и меня все устраивает. А не ем я дома, потому что есть нечего!

– Как нечего? – я от неожиданности села на пол, у меня даже слезы навернулись на глаза от такой несправедливости. Холодильник лопнул, я днями простаивала у плиты, готовя впустую, а Степа корчил гримасу при виде всего того, что раньше сметал за обе щеки, и шел в ближайший супермаркет за фастфудом и сладкой водой.

– Ну все, устал я от этой темы! Не повезло тебе с ребенком. Дети, знаешь ли, бывают разные. Кому-то везет, а кому-то не очень. Ты меня постоянно угнетаешь! И в лагерь на каникулы, куда ты купила мне путевку, я не поеду. Это отстой, а не лагерь. Скорее бы уже жить отдельно от вас. Ты токсичная, мама!

– Отлично, просто великолепно! Вспомни о своих словах, пожалуйста, когда тебе вдруг снова понадобится личный водитель, повар, уборщица, покупатель модных шмоток и выдавальщица денежных средств! – моему возмущению не было предела. Я хотела еще что-нибудь добавить, но звонок в дверь прервал мою тираду, уже готовую сорваться с языка.

– Мамуля, мне надо с тобой поговорить о чем-то важном! – в дверях стоял старший сын Андрей и хитро, как-то по-особенному улыбался. Почему-то от этой его необычной улыбки все внутри меня напряглось, а по спине заскользила капелька пота. – Кажется, я женюсь!

– Кому это кажется? – на всякий случай уточнила я, пытаюсь выиграть время. Сын, продолжая таинственно улыбаться, достал телефон, открыл фотографию и сунул мне.

– Это она. Завтра я приведу ее к нам знакомиться. Она чудесная, и ты в нее сразу влюбишься, потому что не влюбиться в нее невозможно.

Я поняла, что меня в его улыбке сразу насторожило. Она была неземная, космическая, словно человек был не тут со мной, а парил где-то далеко в облаках, как воздушный шарик, оставив между нами сообщение в виде тоненькой ниточки. Мне стало страшно, что ниточка эта от неловкого движения может оборваться, и шарик улетит. И никто, и никогда больше не сможет его поймать и вернуть обратно.

Я вытерла руки краем фартука, взяла телефон и остолбенела – на экране красовалось скуластое лицо, как будто нарисованное циркулем, с узкими раскосыми глазами.

– Это кто? – я медленно опустила на пуфик, почувствовав легкое головокружение.

– Это моя Тиночка, Тина, – гордо вымолвил сын. – Вообще-то ее полное имя Тиныл. Она с Чукотки. Настоящая чукча, представляешь, как круто!

«Затянулась бурой ТИНОЙ гладь старинного пруда...» – тут же в моей голове зазвучал пророческий романс черепахи Тортилы. А ведь, кажется, ничто не предвещало! Или утро сразу не задалось? Мысли ходили в голове непривычно вяло, ноги стали ватными, захотелось срочно залезть с головой под одеяло и ничего больше не слышать и не видеть. А может, это дурной сон, и нужно просто себя ущипнуть по сильнее и проснуться?

Видя, какое впечатление произвела на меня фотография, сын затараторил,

– Ты себе представить не можешь, какая она талантливая: учится в университете, идет на красный диплом, у нее великолепный голос, она сама пишет музыку и исполняет свои песни, с ней можно говорить на любые темы... Я безумно люблю ее, и она, о счастье, сегодня согласилась выйти за меня замуж!

– И долго она думала, прежде чем согласилась? – я смотрела на своего высоченного умного и хорошо зарабатывающего двадцатисемилетнего красавца сына, обладающего всеми способностями, чтобы быть успешным в этой жизни. – Чего сразу-то не согласилась? «Чукча в чуме ждала рассвета»?

Лицо Андрея слегка напряглось и посерьезнело, и я поняла, что все решения он уже принял, а меня сейчас только ставит перед фактом, потому что так положено.

– А ты знаешь, что дети чукчей всегда чукчи? Ты понимаешь, что твой ребенок никогда не будет похож ни на тебя, ни на твою семью? Ты отдаешь себе отчет, кого тебе предстоит воспитывать в будущем? – я перешла почти на визг, который мне самой показался неприятным. Я понимала, что еще одно мое неаккуратное слово и ниточка оборвется, и шарик улетит безвозвратно, но ничего не могла с собой поделаться.

– Дети обязательно будут. Умные, талантливые и красивые дети. Такие же, как их родители, – голос Андрея звучал непривычно глухо, от космической улыбки не осталось и следа. – А ты Тину не трогай, ты ее совсем не знаешь. А ломать нашу жизнь не позволю, и распоряжаться ею мы будем сами.

Господи, за что мне все это! Я вдруг четко ощутила, где живет стресс, почувствовала его, как живое существо, завозившееся внутри меня и начавшее дергать за веревочки, сжимать и разжимать что-то глубоко внутри, заставляя дрожать руки и мешать думать голове. С минуты на минуту должен был вернуться муж, и я молила Бога, чтобы он сделал это скорее, пришел, помог, разрулил все немедленно и взял бы на себя часть этой информационной лавины. Я надела на руки резиновые перчатки, взяла швабру и молча налила в ведро воды.

– О-о-о, удушение собственных детей продолжается! Мертвая хватка! Таких людей обычно называют токсичными душниками, мама! – в проеме двери возник младший Степа с гаденькой ухмылочкой, и мне сразу захотелось создать клуб помощи родителям подростков, такой, как бывает для анонимных алкоголиков. Я бы часто ходила туда, а может быть, на какое-то время поселилась бы там. Нет, не навсегда. Только до тех пор, пока весь этот сюр, напрямую связанный с гормональной окрошкой моего ребенка, не закончится.

– Что, может, тоже жениться собрался? – не без ехидства спросила я младшего сына.

– Нет, пока еще не собрался, а что, ты уже заранее возражаешь?

– Ты для начала вырасти, невесту подбери, а потом и говорить на эту тему будем, – улыбнулась я впервые за целое утро.

– Девушка у меня есть. Ее зовут Маша, и она из седьмого класса. Пора тебе уже об этом узнать. У нее замечательные, все понимающие родители, в отличие от тебя, и они очень хорошо ко мне относятся. Я у них часто бываю. А к нам домой Маша категорически не хочет приходить, потому что тебя боится, вдруг ты ее вопросами замучаешь. А еще у них все очень вкусно! Просто пальчики оближешь...

– И вода чище, и трава зеленее, и люди лучше, – продолжила я. – Ну нельзя же так портить первый день отпуска! День тысячи и одного стресса. Это же нечестно по отношению ко мне! – сказала я уже скорее для себя.

Звонок в дверь прозвучал для меня лучшей музыкой. Я бросилась открывать, на ходу подумав, что, наверное, напоминаю странное дикое животное, которое рвануло с места на спасительный сигнал в поисках защиты. Кто из зверей быстро бегают? Гепард, антилопа гну, американская

скаковая лошадь? Точно, скаковая лошадь, успевающая работать, обслуживать всю семью, а также выслушивать, поддерживать, подставлять плечо в трудную минуту и огребать за все это по полной программе – это как раз про меня.

Муж неторопливо раздевался и слушал меня в пол-уха, не разделяя мои эмоции, по крайней мере мне так показалось. Он молча прошел на кухню, пошуровал в холодильнике, залез под крышки сковородок и кастрюлек, в которых все кипело, шкворчало и издавало необыкновенные умопомрачительные запахи.

– Меня сегодня хоть кто-нибудь в этом доме будет слушать? – обратилась я к нему, уже начиная заводиться. И тут он меня удивил, нет, это не то слово, он сразил меня наповал, одним выстрелом и сразу в самое сердце. Оказывается, он давно все знал и про Машу из седьмого класса, и про чукчу, а с последней был даже знаком. И с обоими нашими, замечу, общими, детьми он находился в состоянии полного взаимопонимания, а меня по общей негласной договоренности они держали в идиотском состоянии неведения, по совершенно непонятной для меня необъяснимой причине.

Он неторопливо налил себе в тарелку тыквенного супа с креветками, посыпал сверху тыквенных семечек, посолил, поперчил, кинул в тостер пару кусочков заварного ржано-пшеничного хлеба с курагой и грецкими орехами и очень важно нравоучительно заметил:

– Ты передавливаешь детей, так нельзя! Они не твое отражение, они должны сами решать, чего хотят. Не забывай, что в первую очередь это их жизнь, – мой муж, моя надежда и опора; человек, на помощь которого я всегда рассчитывала, читал мне мораль в присутствии сыновей, как какой-то проштрафившейся школьнице, не задумываясь ни на секунду, что этим своим выступлением начал копать глубокий ров, грозящий разделить нас. – Нужно давать им личное пространство и стараться не нарушать границ. Им сложно с тобой. Хорошая мать должна уметь слышать своих детей.

И после всей этой тирады, как ни в чем не бывало, мой муж стал с удовольствием наяривать свежеприготовленный мною суп. Поистине, хорошей женой быть вредно. Муж начинает портиться на глазах и даже не понимает, что творит. И даже не отдает себе в этом отчета. И аппетит, что удивительно, не страдает ни капельки.

– Стоп! Значит, я плохая мать. И если я с чем-то не согласна, значит, я вас не слышу? Вот и поговорили! Отлично! На этой замечательной обнадеживающей ноте давайте и остановимся, – я быстро сняла резиновые перчатки, которые до сих пор были у меня на руках, напоминая о недоделанной уборке, вытащила с антресолей свой небольшой походный чемоданчик и под унылыми молчаливыми взглядами своих домочадцев стала кидать туда вещи. Я понимала, что мне нужно срочно уехать от всего этого безумия, разобраться в себе и дать подумать им. Оставаться сейчас здесь всем вместе смерти подобно. Наговорим столько, что потом не разгребем. Вариант поездки нарисовался сразу – Питер и моя лучшая школьная подружка Милка, по образованию психолог, логопед, дефектолог, а также лучшая жилетка для слез, мастер вытирания соплей и определения дальнейшей политики в любой, даже самой сложной ситуации. Покупка билета и вызов такси не заняли много времени.

– Значит так, если у меня отпуск, значит, еду отдыхать, – промолвила я сквозь зубы и прошла к выходу мимо своих домочадцев с гордо поднятой головой.

Я ехала в поезде и думала, что пора научиться любить себя и жить для себя, что это не эгоизм, а всего лишь норма здоровой жизни. Пришли воспоминания о том, как я мечтала когда-то воспитать своих детей сильными многосторонними личностями и была уверена, что с легкостью сделаю это. Я фантазировала, что дети будут именно такими, как я задумала, будут думать как я и смотреть на мир как я, нужно их только правильно воспитывать. Ведь все проблемы других от неправильного воспитания, а у меня будет обязательно самое правильное. Я перелопатила тонну литературы и пребывала в наивной уверенности, что никакие трудности меня никогда не коснутся.

Муж прислал видео Степки с семиклассницей, где они очень слаженно танцуют и поют под странную непонятную электронную музыку и явно очень довольны друг другом, попросил успокоиться и не драматизировать. Я была совершенно спокойна, настолько спокойна, что не сочла нужным ему отвечать. Внутри меня по-прежнему кипели страсти, я продолжала разговаривать сама с собой, жалела себя, запрещала себе это делать и снова жалела.

Милка встретила меня на вокзале. Я сразу издалека заметила ее красивый белый плащ с повязанным крест-накрест и развевающимся красным шарфом. Милка напоминала машину скорой помощи. Ну что ж, это как раз то, что мне сейчас и требуется.

– Ты только не переживай! – начала она мою реанимацию. – Ты выглядишь сейчас как королева драмы. Убери скорбь, она пригодится тебе, когда вернешься домой.

Милка всегда знала все ответы на все вопросы. Даже если это было не совсем так, она могла с умным видом выдать что-нибудь эдакое, что все сомнения на этот счет тут же отпадали. Милка была замужем за нашим одноклассником Женькой Розовым по кличке Розочка. Вместе с Женькой она одновременно получила и кличку, которая ей здорово подходила. Сразу после свадьбы Милка превратилась в Розочку, а Женьку с ее легкой руки все стали звать Цветоносом. Женька был доцентом в медицинском институте на кафедре психиатрии, поэтому иногда, в редкие минуты гнева, Милка называла его «тупым доцентом» или Шиповником. Детей у них не было, вернее, по молодости лет была какая-то история с неудачной беременностью. Кажется, ребенок погиб в родах или сразу после, честно говоря, точно не знаю. Тема эта была закрытой, и мы ее никогда не обсуждали. Может быть, благодаря этому, а может вопреки, подруга погрузилась в мир детской психологии и была настоящим экспертом в этой сфере.

Женька Цветонос любил свою Розочку до невозможности еще со школьных времен и старался предугадывать все ее желания. Милка величественно, по-царски позволяла ему это делать, без конца подтрунивала над ним и руководила. Женька ее руководящую и направляющую роль принимал без сопротивления и смущения, с удовольствием, называя себя подкаблучником по призванию. Милка всегда говорила, что в отличие от подружек никогда не мечтала о принце, поэтому, выйдя замуж не получила морально-психологической травмы. Женька умилялся ее остроумию и был счастлив находиться рядом. Жили Розочки в своем розарии дружно, я их всегда и всем приводила в пример. Каждый приезд к ним в гости был для меня праздником.

– Представляешь, Цветонос умотал в Сочи на конгресс по своей психиатрии. Каждый год ездит, а потом остается там еще на пару недель покушаться. Так что мы с тобой совершенно свободны, и никакие

розоцветные нам не помешают, ура! – Милка в полном соответствии молодежному тренду коснулась кулаком моего кулака и от души запела свою отрядно-семейную песню про «белый шиповник, страсти виновник, краше садовых роз...», которую я тут же подхватила.

Мы провели вместе три счастливых дня, обгладывая и обсасывая косточки моим домочадцам. Подруга была полностью на моей стороне, впрочем, как всегда. Я слушала ее и лишней раз убеждалась, какая же она все-таки умная, царица психологической эрудиции, моя Милка. У нее все было просто, все однозначно, все решается и безоговорочно. Она знала про детей все или почти все.

– Подумаешь, переходный возраст! – вещала она, сидя за чашечкой кофе в симпатичном видовом ресторанчике на крыше. – Это что, диагноз? Подростковый период дается нам для того, чтобы измотать нас до предела и тем самым облегчить вылет дитяти из родительского гнезда. Я о том самом моменте, когда всем станет до того невмоготу, что уход ребенка во взрослую самостоятельную жизнь станет общей большой радостью.

Но в четырнадцать лет не должно происходить подмены матери на другую женщину. Рано. Центр принятия решений должен быть у тебя. Сейчас ему диктует другая женщина.

– Это ты про семиклассницу? – робко вставила я, откусывая кусочек десерта «Анна Павлова» и зажмуриваясь от удовольствия.

– Да-да, про нее, конечно. Произошла подмена авторитетов, и ты это где-то упустила. Любовь – это хорошо, но твои задачи должны быть важнее. Сказала – в лагерь, значит – в лагерь. Это образно, конечно, но подростковое подчинение и зависимость не от родителей очень опасная штука. Он подчиняется ей, а не тебе, это формирует зависимое поведение.

– Может, все это не настолько запущено и не так плохо? Просто первая любовь и все такое. Где ты все это увидела? – мне от каждого слова Милки становилось все хуже.

– Да ты посмотри видео, где они эту песню поют. Она впереди, а он сзади. Она лидер, а он в массовке, мальчик-антураж. Она позволяет себя любить. А вдруг завтра передумает? Ему с крыши прыгать? – Милка выразительно посмотрела с нашей высокой крыши вниз, а мне сразу стало дурно.

Солнце светило очень ярко, оно гуляло по соседним чердакам, залезало в каждую щель, заглядывало в глаза, бликовало и пускало солнечные зайчики вокруг нас. Огромное количество солнечных зайчиков и огромное количество разноцветных крыш вокруг, и мы где-то высоко над всем этим в полной недосыгаемости от всего остального мира. Милка знала, куда меня затащить, наверное, очередной психологический трюк, испытание высотой, красотой и правдой-маткой.

– Замечу, что твой Женька тоже, как правило, у тебя за спиной. Я бы сказала, что по жизни Розочка стоит позади тебя! – я пыталась создавать Милке хоть какой-то противовес в разговоре.

– Это не считается, ему давно не четырнадцать. И, если ты заметила, он на этом месте себя вполне комфортно чувствует, привык за столько лет. Мы же хотим формировать независимую личность, поэтому нужно потихоньку отрывать его. Или не хотим? Тогда к чему все эти разговоры?

– А как мы будем его отрывать? – я почему-то представила своего длинного кудрявого подростка, вставленного в финальную картинку

сказки «Репка», в том самом месте, где внучка за бабу, бабу за деду, дедка за репку... И вытягиваем репку. Только вместо репки сияла улыбающаяся физиономия моего Степки. Или его свирепая физиономия, которая так расстраивала меня в последнее время.

– Отрывать будем аккуратненько! Мы же старше, а поэтому хитрее! – Милка разом оборвала все мои сказочные фантазии. – Никакого жесткого прессинга с твоей стороны, никаких признаков авторитарной матери. Говори про нее только хорошее, но занимай его другими делами, придумай много важных дел, главное, чтоб без нее. Пусть она пока остается, но наряду с другими интересами. Надо, чтобы на второй план ушла. Как только Степа поймет, что она не центр Вселенной, увидишь, она сама исчезнет из его и вашей жизни. Она же питается своей властью над ним. Этого так оставлять нельзя.

Наш поход в Русский музей в Михайловском дворце был полностью посвящен женитьбе моего старшего Андрея на девушке с Чукотки. Мы любовались картинами и ни на минуту не отходили от темы. Милка изо всех сил пыталась понять, насколько процесс запущен и что еще можно сделать.

– Ну хоть со старшим ты мирно рассталась?

Мы стояли у полотна Саврасова «Грачи прилетели».

– Мирно – это сказано очень оптимистично, – ответила я и прикинула, сколько же сочинений я написала за свою жизнь по этой картине для себя и своих детей. Интересно, написанными сочинениями можно измерить, плохая я мать или хорошая?

– Чукчу в семью пускать, конечно, нельзя. Чукче место в чуме. Он может выбирать себе любую жену, главное, чтобы она тебе нравилась.

Милка остановилась около «Последнего дня Помпеи» Брюллова, долго и внимательно изучала картину, потом глубоко вздохнула и добавила:

– Огонь надо выжигать огнем, другого пути нет.

– Я боюсь, что я таким образом сама себя выжгу. И не останется ничего вокруг, ни отношений, ни желания общаться...

У меня появилось ощущение, что мы, постепенно перебирая все возможные варианты наших дальнейших действий, добрались до выгребной ямы психологии, и сейчас Милка предложит что-нибудь страшное и неприемлемое. Я внутренне напряглась, как пружина, и остановилась в нерешительности. Подруга задумчиво оглядела меня с ног до головы и сообщила, что, по ее мнению, справиться со старшим сыном и его подругой я вряд ли смогу, и предложила прислать его в Питер по какому-нибудь важному делу. Остановится он, естественно у нее, ну а дальше на арену цирка выйдет Милка со своими высокопрофессиональными психологическими приемами и перевербует нашего мальчика, заочно обезвредив чукчу Тину. На том и порешили.

Наши душеспасительные беседы на фоне потрясающих полотен великих мастеров заходили в сердце и периодически отключали разум. Все-таки психологическая помощь моей подруги была на высшем уровне. Подозреваю, что не просто так она затащила меня в один из лучших музеев страны. Я где-то читала про такую своеобразную арт-терапию – лечение творчеством, когда мозг человека не может не откликнуться на воздействие искусством. Я ходила среди великих картин и понимала, что Милкина методика однозначно работает. От полотен исходила необыкновенная энергетика, которую я ощущала и принимала. Сначала меня тянуло исключительно к Айвазовскому, и я никак

не могла оторваться от его «Девятого вала», уж очень сильно изображенное там соответствовало моему внутреннему состоянию. Но потом постепенно мое внутреннее напряжение ушло, и меня потянуло к умиротворению картин Шишкина.

Вечерний Питер вдохновлял. Огни, музыканты на каждом перекрестке Невского, толпа пьяных подростков и многозначительный взгляд Милки с предупреждением, что может быть, когда ситуацию выпускаешь из-под контроля. Потом была потрясающая прогулка на кораблике по каналам Санкт-Петербурга и шампанское на Дворцовой площади, как итог великолепно проведенного дня с лучшей подругой. Все это великолепие излечило меня от хандры полностью. У Милки всегда все было по плану, об этом все знали и не сопротивлялись. А я была просто счастлива, что подруга создает свои планы специально под меня, и следовала за ней без оглядки.

На следующий день мы посетили музей Ахматовой с рассказами о сильной личности, которая умела принимать серьезные решения, и ее гениальными пронзительными стихами, заставляющими думать, плакать и преодолевать. Потом был нереальный потрясающий балет «Спартак» в Михайловском, в который раз подтверждающий, что восстание гладиаторов обречено и победа остается за сильнейшей стороной, впрочем, как всегда, что и требовалось доказать. Я восхищалась Милкиной продуманностью в каждом шаге. Каждое ее слово, каждый жест, каждый наш культурный выход были не просто так. Я ощущала, как будто она надевает на ниточку бусинку за бусинкой, восполняя все пробелы. Скоро свободных мест там совсем не останется, появится совершенство и законченность, которых мне так не хватало в моих мыслях и поступках.

Все наше последующее совместное времяпровождение, а также все дальнейшие завтраки, обеды и ужины были посвящены моему мужу-предателю, так легко занявшему сторону противника, вернее, наших противных детей. Тут мы уже не разрабатывали никаких планов, просто нещадно грызли его вместе с Цветоносом и остальным неблагодарным мужским родом, вспоминая все наши скопившиеся за жизнь обиды. На этой части нашего общения я заметно отдохнула, повеселела и окончательно восстановила силы.

Садясь в поезд, я чувствовала себя снова на коне и готовой к бою. Подруга основательно промыла мне мозги и настроила на нужную волну. Я была наполнена решимостью, аргументами, уверена в своей правоте и обязательной победе. Милка вручила мне книгу про обычаи народов Севера с емким названием «Вы знакомы с Чукчей?», добросила до вокзала и на прощание произнесла свою любимую фразочку про то, что все в нашей жизни случается не просто так, что все это для чего-то нужно, и у меня есть время, чтобы понять, для чего.

Я удобно расположилась на нижней полке поезда и даже успела прочитать, что чукчи обычно живут не в чуме, а в яранге, покрытой оленьими шкурами, или в полуземлянке, построенной из костей кита, когда ко мне в купе вошли две девушки.

– Катя, не трогай! Ты слышишь меня? Не лезь туда, сядь рядом! Да что же это такое?

Я подняла глаза и увидела, что напротив села крупная черноволосая девочка лет тринадцати и, не мигая, смотрела на меня. Она слегка покачивалась и издавала неприятные гортанные звуки. Через приоткрытый рот девочки был виден мясистый язык розового цвета, подтекала слюна.

– Вы ей понравились, – сказала стройная интересная девушка, оказавшаяся ее мамой. – Это Катя. А я Света. Мы хотели взять целое купе, но в продаже уже не было. Поэтому, уж извините, придется вам нас потерпеть.

Катя на ломаном и коверканом языке спросила, можно ли ей залезть на верхнюю полку. Мама ей разрешила, и девочка быстро, в какую-то долю секунды, взлетела на верхнюю полку, проявив неожиданную ловкость и недюжинную физическую силу. Через пару минут сверху донесся трубный звук сморкания, напоминающий слонов на водопое. Я где-то читала, что многочисленные звуки, издаваемые слонами, выражают не сообщения или мысли, а только проявление возбуждения и по высоте тона можно судить, спокойно животное или рассержено. Катя сморкалась так громко и пронзительно, что я бы расшифровала это как выраженное неудовольствие или переход к нападению. Я посмотрела на девочку, она изобразила подобие улыбки и попросила у матери разрешения спуститься вниз. За первый час нашей поездки Катя совершила тридцать, а может сто тридцать подъемов-спусков, перепрыгиваний с полки на полку и сморканий. Я почувствовала легкое головокружение от всего происходящего, но волевым решением взяла себя в руки и постаралась не обращать внимания.

Принесли чай, я достала коробочку с запасом еды, которым меня снабдила заботливая Милка, и начала неторопливо есть, продолжая изучать особенности жизни чукчей. Света вышла из купе, а с верхней полки раздался голос и протянулась рука. Я поняла, что Катя просит сыра, и предложила ей кусочек. Через секунду девочка сидела возле меня, улыбалась, если это можно было так назвать, и снова тянула руку. Получив еще один кусочек, ребенок запустил свои руки в коробку с моими припасами и начал быстро-быстро поглощать их. К моменту возвращения матери моя коробочка была уже пуста. Света начала доставать из сумки множество баночек, коробочек, пакетиков с продуктами. Это было огромное количество еды, такое, что можно легко накормить роту солдат. Девочка начала поглощать все это, привычными движениями засовывая в рот руками. На какой-то момент она вдруг прервала процесс поглощения пищи, как будто о чем-то вспомнила, вытащила из-под стола свою не очень чистую ногу, скрупулезно ее осмотрела, приблизив к глазам, сняла с пятки двумя пальцами невидимую пылинку и отработав, привычно откусила кусочек ногтя. На этом моменте я не выдержала и вышла из купе.

Света позвала меня назад, когда девочка уже спала. Она принесла нам обоим чаю, достала вкусное печенье и конфеты.

– А я вот так живу уже тринадцать лет. Замкнутый круг. И нет никаких шансов из него выскочить.

– Почему она такая? Родовая травма? – задала я волнующий меня вопрос.

– Да нет, роды были очень легкими. Я не заметила, как родила. О том, что с ребенком не все в порядке, мне сказали на третий день. Было два дня счастья, а потом оно закончилось, уступив место тоске и тревоге.

– А что с Катиним папой? Он помогает? Живете вместе?

– С ним не все так просто. Да у меня, похоже, просто и не бывает. Привыкла, – Света взглянула в окно, потом на меня, словно обдумывая или оценивая, стоит ли ей рассказывать о себе. Поезд с обязательным чух-чух-чух, полумрак, чай в подстаканнике располагали к разговорам.

– Мы познакомились на нашем юге четырнадцать лет назад. Я купила экскурсию по дворцам Крыма, стояла на остановке и ждала машину, которая должна была доставить меня к месту начала культурного вояжа. Накануне мне звонили из турфирмы раз пятьдесят и постоянно что-то меняли, переносили, то время, то место. В конце концов поменяли и автобус на легковой автомобиль, так как из всего Гурзуфа, где я на тот момент проживала, посмотреть царские дворцы пожелала только я одна.

Время шло, а за мной никто не приезжал. Я стояла, сидела, ходила вокруг остановки. Не было ни автобуса, ни обещанной черной хонды. И вообще, на остановке не было ни одной живой души. Чуть поодаль стоял белый «ниссан» с водителем, который тоже кого-то ждал и заметно нервничал, судя по его передвижениям. Его автомобиль сначала стоял ниже остановки, потом поднялся выше, потом объехал круг, куда-то уехал и снова вернулся. По прошествии какого-то времени «ниссан» остановился рядом со мной, из окошка выглянул симпатичный парень и поинтересовался у меня:

– Вы случайно не тот мужчина, которого я уже сорок минут караулю для поездки по дворцам Крыма?

Вот так бывает. Набор случайностей и странных совпадений или, наоборот, несовпадений. Было начало сезона, народ для экскурсий набирался не очень активно. Поэтому вместо автобуса за мной отправили черную «хонду» с мужем экскурсовода. А у этого мужа что-то неожиданно случилось, и он, в свою очередь, попросил съездить за мной своего приятеля, приехавшего недавно к нему в гости. Так вместо черной машины приехала белая. А уж почему меня вдруг переделали в мужчину и где эта передаточная цепочка дала сбой, история умалчивает. Мы ехали и хохотали всю дорогу. В какой-то миг я подумала, что, если этот симпатичный человек предложит мне наплевать на царские дворцы и поехать куда-нибудь с ним, я соглашусь не раздумывая. Высадив меня в положенном месте, он уехал искать место парковки, а потом и сам присоединился к нашей экскурсии. Мы провели вместе чудесный день и не смогли расстаться. Это можно назвать курортным романом, изменившим всю мою дальнейшую жизнь. Все вокруг называли его Джинном. Такая странная кликуха, дающая свободу разным фантазиям от джин-тоника до духа из арабской мифологии.

– Почему ты Джинн? – поинтересовалась я в первый же вечер.

– Потому что я всемогущий и все умеющий! – вмиг сострепанная смешная физиономия с грозными, почти выпрыгивающими глазами была полным подтверждением его словам.

Он не был писанным красавцем и не был идеальным, но море обаяния и сильное мужское начало компенсировали все. Это был мой мужчина. Я почувствовала это сразу. Полное совпадение по всем параметрам. И еще он сразу все взял в свои руки. Он сам принимал решения и сам их реализовывал. Он организовывал наш досуг, а я только кивала в знак согласия или отрицательно мотала головой. С ним мне было море по колено. С ним было не страшно и в огонь и в воду. Настоящий джинн из сказки, ворвавшийся в мою жизнь из волшебной лампы Аладдина, уносящий в новую жизнь и пьянящий, как всем известный алкогольный коктейль джин-тоник. Я не спрашивала ничего про его жизнь. Хотелось, как можно дольше продлить безмятежность совместного отдыха, но тревожность от приближения расставания подкрадывалась все ближе. Он сам рассказал мне про слабую и безынициативную жену, потерявшую стержень жизни после рождения ребенка-инвалида, кото-

рую он не может оставить, про то, как мечтает иметь детей, но жена категорически отказывается снова рожать, про его подозрения о наличии у нее плохой наследственности... Хотя, возможно, во всем виновата банальная, но перенесенная на ногах вирусная инфекция...

Через месяц я поняла, что беременна. Такой любви и заботы, как во время этих счастливейших девяти месяцев, я не испытывала никогда в жизни. Я переехала в Питер, поближе к любимому. Он меня кормил, поил, выгуливал, проводил со мной каждую свободную минуту. Я соблюдала все, что положено беременным, сумела ни разу не заболеть, даже когда все вокруг полегли от гриппа. А потом родилась Катя, и моя привычная жизнь, и спокойствие, и все, что я считала важным и необходимым в этом мире, закончились в один момент, сразу после приговора врачей. Я лежала два дня, повернувшись к стенке, и пыталась привыкнуть к действительности. Мой Джин меня не бросил, даже, наоборот, поддерживал как мог и вселял веру в будущее. И сейчас он для нас помощь, поддержка и стена, на которую можно бесстрашно опереться в любую минуту.

Потом началось постоянное беспросветное лечение. Я постоянно думала, что это мне наказание за чужого мужа. Но я очень любила его, это истинная правда. Хотя кого сейчас интересует правда. Важно только, как все это выглядит со стороны. А со стороны все ужасней некуда. Но Джинн любит Катю, как ни странно это звучит, и делает для нее все, и даже больше. Когда Кате исполнилось три года, стало понятно, что мы в тупике и лечения от умственной неполноценности нет. Спустя время любимый признался мне, что у его первого ребенка тяжелая форма олигофрении с полным отсутствием речи и мышления и он живет в специальном интернате. Джинн изначально был уверен, что проблема в его жене. Рождение второго такого ребенка от другой женщины доказывала, что вопрос в нем. У Кати подтвержденная наследственная олигофрения в стадии имбецильности. Это полечче, чем у ее единокровного брата, так скажем, средний вариант, но от этого не легче, и она тоже мало что может.

Катя завозилась на верхней полке и начала похрюкивать никогда не закрывающимся ртом. Поезд остановился на станции небольшого провинциального городка, я взяла сигареты и вышла на перрон. Поистине у каждого человека свои проблемы. Только мои проблемы, по сравнению с этим адом, вдруг стали с гигантской скоростью уменьшаться и самоуничтожаться, превращаясь в огромное обволакивающее меня со всех сторон счастье, которое я давно перестала не только ценить, но и замечать.

У меня два замечательных сына, здоровых, умных, красивых, самодостаточных, способных иметь свое мнение и умеющих его доказывать. Что такое проблемы переходного возраста? – ерунда, которая рано или поздно рассосется сама по себе. И я вдруг ясно поняла, что совсем не хочу отдирать от Степки его семиклассницу или Степку от семиклассницы. Ну совсем не хочу. Пусть он влюбляется, обжигается и взрослеет вместе с ней. И почему он обязательно должен стоять впереди этой маленькой девочки на том видео, загораживая ее своей приближающейся к двум метрам фигурой. Это же будет совсем ни в какие ворота. Что скажут психологи в этом случае? Здравствуйте, я нарцисс, собственной персоной?

Мои мысли постепенно переключились на чукчу. Я же ее еще не видела ни разу, а уже начала уничтожать. Я стала делать это заблаговременно, на всякий случай, так как Тина с Чукотки по моим понятиям

не соответствует критериям невесты моего сына и не помещается в определенные мною рамки женитьбы отпрыска. А ведь они уже взрослые, попробовавшие этот мир на зубок. Ну и что, что чукча. Смешанные дети бывают очень красивыми. Спасибо, что не негритянка из Африки, а с нашей родной Чукотки, и слава богу! Я находилась на таком гребне эмоциональной волны, захлестывающей меня и перестраивающей сознание, что, возможно, в этот момент приняла бы и негритянку.

От своих новых и таких прогрессивных мыслей я не могла сдерживать улыбку. Мимо проходившая проводница заметила, что так улыбаются и радуются обычно люди, возвращающиеся домой после долгого отсутствия. Меня не было в общей сложности пять дней, а ощущение было такое, как будто я отсутствовала вечность. Я каждой клеточкой чувствовала, как сильно соскучилась, как хочу немедленно всех обнять, расцеловать и за все простить, потому что на своих долго не обижаются. Почему-то именно теперь вдруг стало очевидно, что мои дети – это совсем другие люди со своими принципами, запросами, взглядами на жизнь и пристрастиями, что не надо их тянуть за уши в тот мир, который нравится исключительно мне. Мое переосмысление ситуации шло полным ходом. Муж у меня вообще золотой. Дети ему доверяют, он всю жизнь с ними возится не меньше, чем я.

Мысли мои неслись, обгоняя друг друга. Все-таки не просто так на моем пути встретились эти люди. Ничего в этой жизни не бывает просто так. Своей историей они за одну ночь изменили всю мою систему взглядов на окружающий мир, разгладили морщины души, которые уже начали собираться в глубокие отвратительные складки и деформировать ее. Эта красивая женщина со сложной судьбой, положившая свою жизнь на больного ребенка, и ее Джинн-тоник, прыгающий на две семьи между детьми-инвалидами, не видящий в жизни никакого просвета, но не бросающий их, справляющиеся со всей этой непростой ситуацией, вызывали у меня смешанные чувства от сострадания до восхищения. Наверное, они были посланы мне свыше, чтобы я поняла, что все познается в сравнении. Внутри меня разгорался настоящий психологический пожар, который не хотелось тушить. Ломка сознания и переход на совершенно новый уровень мышления натолкнули меня на мысль о переходном периоде, не Степкином, а моем собственном. Все постепенно становилось на свои места и приносило облегчение. Я докурила сигарету, бросила окурок в урну и следом безжалостно отправила туда же книжку про чукчей...

Я проснулась ранним утром с хорошим настроением и свежей головой. Света заканчивала делать Кате красивую прическу из множества переплетенных между собой замысловатых косичек.

– Папа нас с тобой сейчас встретит, пересядем на самолет и полетим все вместе к морю. Будем купаться и загорать. И ничто не сможет нам помешать. Потому что мы сильные, – Света улыбнулась мне, подмигнула и продолжила: – А все, что нас не убивает, делает еще сильнее, а еще дает нам много разных механизмов приспособления и не всегда здоровое чувство юмора. Потому что это нам нужно, чтобы выживать.

Поезд приближался к конечной станции. Я стояла у окна и думала, что все в этом мире взаимосвязано, что одна ситуация обязательно тянет за собой другую, каждая новая встреча открывает новую дверь. И всегда есть возможность правильного поступка и правильного выбора. Я не против психологов, но больше слушать нужно все-таки себя и свое сердце. Оно обязательно подскажет, что делать, ведь оно существует не только для перекачки крови в организме, я это теперь точно знаю!

Поезд замедлил ход и остановился. Приехали. Я вышла на перрон и сразу очутилась в объятиях всех своих мужчин. Они улыбались и наперебой говорили, как по мне соскучились.

Вот Милка, вот бестия, сообщила-таки, когда я приезжаю. Какая же она молодец, настоящая психологиня всяя Руси, знает, как порадовать подругу!

– Вы самые лучшие, вы все, что у меня есть! Мне повезло неслыханно, что в качестве своей мамы вы выбрали меня, – я уже почти пустила слезу, когда увидела стоящую в отдалении стройную черноволосую девушку с раскосыми глазами в длинном элегантном светло-сером пальто с поясом цвета мокрого асфальта.

– Тина, подойди поближе! – обратился к ней Андрей: – И познакомься, это моя мамочка...

При взгляде на девушку передо мной сразу стали всплывать образы моделей с последнего миланского показа. На ее лицо хотелось смотреть не отрываясь. Миндалевидные глаза добавляли особого шарма. Гладкие волосы, подстриженные под удлиненное каре, напоминали шелк. Она улыбнулась, обнажив ряд ровных белоснежных зубов, и мне стало стыдно за все, что я про нее думала и говорила раньше.

Для полного комплекта не хватало только семиклассницы, и я подняла вопросительный взгляд на Степку.

– Да вон она, за столбом прячется, тебя стесняется, – без слов в один миг понял меня младший и замахал столбу рукой. Из-за него появилась маленькая стеснительная девочка в укороченной куртке с голым пупком, смотрящая больше в землю, чем на меня.

– Ну что же, девочки, давайте знакомиться! Я не страшная и в последнее время даже не кусаюсь, – мне стало необыкновенно хорошо. Я оглянулась в поисках своего чемодана и вдруг увидела бегущего навстречу Женьку Розова, нашего Розочку, по совместительству Цветоноса и Шиповника.

«А он-то откуда узнал, что я приезжаю? Он-то тут зачем? Ну, Милка, ну, генерал в юбке, это называется свистать всех наверх без разбора!» – пронеслось в голове. Я уже открыла рот, чтобы запеть про «белый шиповник, страсти виновник, краше садовых роз...», но Женька, не обратив на нас никакого внимания, лихо промчался мимо и закружил в объятиях моих соседок по поезду. Он стоял очень прямо, внимательно слушал что-то тараторящую ему в уху Свету, гладил по голове и целовал Катю. Я никогда не видела Женьку таким спокойным, умиротворенным и уверенным, от него исходили сила и решительность.

Когда-то в далеком детстве, вернувшись из пионерского лагеря, он стал представляться всем на американский манер, называя себя Юджином. Милке это имя не понравилось, поэтому Женька так и остался навсегда для всех Розочкой. Кто же мог подумать, что Юджин так и продолжал жить внутри него. Эх, Женька-Юджин, Джинн-тоник. Какое-то странное сегодня получилось утро очевидного-невероятного. Мои мысли прервал телефонный звонок, и довольный жизнерадостный голос Милки на другом конце провода поинтересовался.

– Подруга, у нас все по плану? Или все произошло совершенно случайно, как и планировалось?

– Все в этой жизни не просто так, – долго подбирая слова, ответила я, – все не просто. Так.